

МИХАИЛ ХУДЯКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

ЕКАТЕРИНБУРГ
2012

попытки на этом пути, но они не смогли нарушить обычного хода казанской истории и направить ее по новому пути. Первые попытки неудачны не столько казанскими, сколько государственными: разбиты были разрозненные силы новой казанщины, государственные деятели не представляли принадлежности казанцев к России, разбиты были проекты управления новой частью русского государства. Для казанского народа началась борьба за независимость, для казанского государства — борьба за существование. С тех пор началась, как русские правительственные органы подготавливали и проводили борьбу и создать действительную угрозу Казанскому царству, началась история борьбы казанцев.

Корни завоевательных замыслов против Казани таились в сфере религиозного фанатизма, чаще всего приводящего к национальной и расовой ненависти. Духовенство, бывшее самой образованной частью русского общества, тяжелее всего переживало гнет татарского ига и больше всего скорбело о нем в проповедях, поучениях, летописях, житиях и прочих произведениях своей мысли, несмотря на то, что в материальном отношении духовенству жилось при татарах легко, сравнительно с остальной частью народа. Для духовенства казанцы были теми же ненавистными «безбожными», «погаными» татарами, которые наложили на русских татарское иго, и как только русский народ почувствовал свою силу, в среде духовенства возникла мысль о мести и о борьбе с иноверцами-мусульманами. Религиозные перегородки часто обостряли такие жизненные [124] отношения, которые при обычных условиях оставались бы прочными и благожелательными; для русского купца татарский торговец был таким же человеком, каков он сам, для духовенства же он был «поганым», между ними не могло быть никакой солидарности. Поэтому не удивительно, что первый открытый намек на завоевательную политику послышался из уст главы русского духовенства, митрополита Даниила, который в 1523 году предначертал путь дальнейшей политики, сказав, что «великий князь всю землю казанскую возьмет». Русское правительство прислушалось к тому, что ему было подсказано духовенством, и через 25 лет после того, как митрополитом Даниилом были сказаны эти слова,

они стали очередной программой русской политики. Правительство было обязано своей широкой программой уму образованного духовенства.

В декабре 1546 года, после смены одного за другим правительств Бельского, Шуйских и Глинских, Иван IV, по совету митрополита Макария, объявил себя совершеннолетним и приступил к управлению государством. Фактически власть перешла в руки русского духовенства, во главе которого стоял Макарий. Историк Ивана IV говорит: «С 1542 года начинается митрополитство знаменитого Макария, вышедшего из школы Ивана III (род. в 1482 г.). Иод его влиянием Иван IV объявлен в 1547 году совершеннолетним, но вместе с тем поставлен под опеку священника Сильвестра, которая еще на 6 лет (1547–1553) оставляет в тени неоперившегося, нерасправившего свои гениальные дарования и свои порочные наклонности будущего Грозного, Десятилетие 1542–1553 г. можно с известным основанием назвать эпохой клерикальной политики. Все реформы, все вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета... Так, напр., борьба с дикими степными кочевниками, с Крымом и Казанью, которые после временного разлада при Иване III опять соединились и повисли угрозой над Москвой, проповедуется в качестве крестового похода против неверных, лежащего великим долгом на совести молодого царя».[192]

Действительно, стоит лишь заглянуть в «Царственную Книгу» и в «Казанский Летописец», чтобы понять, как трактовались события их русскими современниками. Первая завоевательная, империалистическая война, веденная русским правительством на территории, не заселенной русским народом, была освящена благословением церкви и фанатической целью обратить мусульман в христианство. [125] Уже перед походом 1550 года царь «совет сотворяет со отцем своим Макарием митрополитом»: перед началом похода «Макарей митрополит да владыка Крутицкий Савва с своим собором приехали в Володимер, и царя великого князя Ивана Васильевича митрополит благословил на земское дело итти, на клятвопреступников казанцев»; перед армией митрополит произносит речи — «поучает и благословляет митро-

полит бояр и воевод я князей всех людей воинства царева».[193]

Митрополит Макарий, фактически стоявший во главе русского государства с 1547 г., являлся одним из замечательных людей своего времени. Глубоко образованный, великий знаток литературы, отличный писатель, он был также выдающимся государственным деятелем, политиком и мыслителем. На всех поприщах его церковной, литературной и общественной жизни деятельность митрополита Макария была ознаменована крупнейшими трудами и ценными вкладами в национальную культуру своего народа. Митрополит Макарий был инициатором созыва всероссийских церковных соборов и канонизации русских святых; в области литературы он известен как составитель «Четьих Миней» — большой энциклопедии древне-русской литературы, и как автор многих оригинальных произведений; в области политической мысли ему принадлежит главная заслуга по проведению в жизнь идеи «Москва — третий Рим» посредством провозглашения Ивана IV царем. [194]

Пришедшее на смену Глинских правительство митрополита Макария, было одним из наиболее замечательных правительств в России. Оно развило законодательную деятельность, оставившую глубокий след в жизни страны: созвало первый земский собор, издало новый Судебник, предприняло перепись населения, ввело повсеместное земское самоуправление, учредило в России первую типографию, вызвало из-за границы ремесленников и ученых, Правительство митрополита Макария впервые в русской истории было проникнуто сознанием того, что «русское государство не есть только государева вотчина, а известная организация, имеющая в виду обеспечение интересов общества, что дело государственное есть дело земское, а не только государево» [195] — при этом правительстве в России сделала большие успехи государственная идея. [126]

К 1547–1549 годам относятся политические проекты неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Ивана Пересветова. Политическая программа этого публициста легла в основу государственной деятельности Ивана IV. В области внешней политики И. Пересветов, тесно связанный с правительством ми-

трополита Макария, требовал завоеваний. Казанское царство казалось помещицкому публицисту прямо чуть не раем — «подрайскою землею, всем угодною», и он весьма цинически заявляет, что «таковую землю угодную» следовало бы завоевать, даже если бы она с Русью «и в дружбе была». А так как казанцы, кроме того, и беспокоили Русь, то значит, и предлог есть отличный, чтобы с ними расправиться. Так писатель XVI в. за 300 лет безжалостно разбил ту, хорошо нам знакомую, историческую схему, которая из интересов государственной обороны делала движущую пружину всей московской политики: уже для Пересветова эта «государственная оборона» была просто хорошим предлогом, чтобы захватить «вельми удобные» земли».[196]

[illegible]

Таким образом, завоевательная политика была результатом совпадения интересов дворян-помещиков, духовенства и торгово-промышленного капитала. Эта политика была впервые сформулирована И. Пересветовым, на долю которого выпадает честь считаться изобретателем русского империализма, осуществление же этой программы было проведено в жизнь правительством митрополита Макария. Руководитель правительства — фанатик, в 1536 году крестивший в Новгороде и Пскове татарок, сидевших в тюрьме, консерватор, председательствовавший на Стоглавом соборе, который укрепил реакционное направление в русской церкви, патриот, провозгласивший русского государя царем, пошел навстречу завоевательным проектам, автор которых совсем не был фанатиком, и программа И. Пересветова была принята правительством митрополита Макария, как в общем, так и в деталях. Трудно поэтому смотреть на челобитные И. С. Пересветова только как на памфлет — как думают обыкновенно: серьезность, с которой отнеслось правительство к этим проектам заставляет видеть в них не памфлет, а деловую программу.

В состав правительства фактически входили, как ближайшие советники Ивана IV, кроме царя «отца»- митрополита» духовник государя протоиерей Сильвестр (переведенный в Москву из Новгорода митрополитом Макарием) и незнатный костромской дворянин А. Ф. Адашев, который выдвинулся, благодаря каким-то личным талантам, остающимся до настоящего времени невыясненными. Ввиду важного значения проектов И. Пересветова для истории русской политики, в частности — для русско-казанских отношений, коснемся в нескольких словах вопроса о личности этого публициста. Вследствие того, что программа И. Пересветова была почти полностью осуществлена, по большей части — правительством митрополита Макария, — частью же позднее самим Иваном IV, не подлежит сомнению тесная близость публициста к царю и правительству митрополита Макария. [198]

В числе членов [198] правительства были царь, митрополит и несколько других лиц, связанных с публицистом — А. Ф. Адашев, местный помещик, костромской дворянин. Между И. С. Пересветовым и правительством существовали тесные связи.